

Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг.

А.А. Вершинин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье на основе анализа современной историографии предпринята попытка выявить причины провала системы коллективной безопасности для противодействия германскому ревизионизму в Европе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. В продолжающейся научной дискуссии вокруг данной проблемы складывается тенденция рассматривать попытку создания системы коллективной безопасности как проекцию возникшего после Первой мировой войны нового качества международных отношений, предполагавшего создание единого пространства безопасности, которое бы исключало силовое сдерживание, а опиралось на арбитражную функцию наднациональной инстанции и многосторонний механизм предотвращения агрессии. Тем самым традиционный принцип баланса сил и война как средство международной политики утрачивали бы легитимность. Историки солидарны в том, что опора на Лигу Наций и Локарнские соглашения не позволила дать ответ на вызовы начала 1930-х гг., что убедительно продемонстрировали Эфиопская война и Рейнский кризис. Несостоятельной системе безопасности было предложено два варианта замены: британский проект «умиротворения» и советская идея военно-политического сдерживания путём формирования коалиции. «Умиротворение» в современной историографии анализируется как замысел создания европейской «директории», которая брала бы на себя функции урегулирования международных противоречий. Причины его провала историки видят в неверной оценке целей гитлеровской политики, чему во многом способствовало мышление в духе коллективной безопасности. Острые дискуссии вызывает позиция СССР, однако в последних работах формулируется консенсусное мнение о том, что причиной провала проекта военно-политического союза, направленного на сдерживание Германии, стала неготовность Запада перейти к стратегическому взаимодействию с Москвой и его приверженность принципам «новой дипломатии» в период, когда они уже утратили актуальность.

Ключевые слова: коллективная безопасность, новая дипломатия, Лига Наций, Версальская система международных отношений, советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г., М.М. Литвинов, Н. Чемберлен, Л. Барту, политика умиротворения, англо-франко-советские переговоры 1939 г.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 15.01.2022 г.

Принята к публикации: 03.03.2022 г.

Была ли неизбежна Вторая мировая война? Этот вопрос, волновавший ещё современников конфликта 1939–1945 гг., до сих пор вызывает дискуссии среди исследователей. У. Черчилль писал о «ненужной войне» (Churchill 1986: XIV), имея в виду целый ряд упущенных западными демократиями возможностей остановить гитлеровскую агрессию в зародыше. Простое сопоставление военно-экономических потенциалов стран, в конечном итоге сформировавших антигитлеровскую коалицию, и государств «Оси» подтверждает эту мысль. Германский реваншизм признавался главной потенциальной угрозой европейскому миру сразу после подписания Версальского договора, что создавало основу для единства действий государств, заинтересованных в сохранении статус-кво. Отсюда вытекает фундаментальный вопрос: почему не сработала система коллективной безопасности, выстроенная европейской дипломатией для предотвращения такой ситуации, которая сложилась на континенте в 1930-е гг.?

Со второй половины XX в. феномен коллективной безопасности осмысливается в историографии в рамках двух различных нарративов. Первый предполагает его рассмотрение преимущественно в контексте предвоенного кризиса 1930-х гг. Уже в 1950-е гг. этот подход вполне оформился в британской научной литературе (Маслова 2009: 82), после чего получил развитие во Франции в работах П. Ренувена (*Histoire des relations internationales...* 1958) и его последователей – Ж.-Б. Дюрозеля (Duroselle 1979) и М. Вайса (Doise, Vaïsse 2015). В том же направлении двигалась и советская историография (Белоусова 1976; Сиполс 1989). Во всех случаях речь шла об изучении определённой дипломатической комбинации с точки зрения противопоставления общего усилия миролюбивых держав агрессивным внешнеполитическим амбициям гитлеровской Германии. Вместе с тем к 1990-м гг. среди историков сложилось понимание того, что категория коллективной безопасности отсылает к более общей проблематике структуры международных отношений и при этом плохо вписывается в рамки классической стратегической логики. В результате в целом ряде работ, в том числе возвращавшихся к ключевым идеям ревизионистского направления в историографии Второй мировой войны и его основателя А. Дж. П. Тейлора, феномен коллективной безопасности перемещался на периферию авторского анализа (Adamthwaite 2011: 507, 522).

Эта историографическая волна оказалась богатой на качественные исследования, серьёзно повлиявшие на восприятие причин Второй мировой войны (Parker 1993; Réau du 1993; Young 1996; *The Origins of the Second World War...* 1999; Imlay 2003), однако в ней вскоре наметился спад, вызванный осознанием того обстоятельства, что без учёта структурного фактора многие шаги ключевых акторов международной политики той поры оставались без удовлетворительного объяснения. Как следствие, после 2010 г. были предприняты попытки рассмотреть проблему коллективной безопасности с точки зрения эволюции архитектуры международных отношений, произошедшей под влиянием фундаментальных общественных и культурных трансформаций, вызванных Первой

мировой войной, отделяя её, таким образом, от традиционно понимаемой стратегической логики поведения великих держав (D'Agostino 2012; Jackson 2013; Туз 2019a).

Подобный взгляд «с высоты птичьего полёта» задаёт новую рамку для изучения старых тем, однако обостряет методологическую проблему соотнесения больших объяснительных моделей с конкретным историческим материалом. Для её преодоления необходимо отказаться от рассмотрения феномена коллективной безопасности лишь под одним углом зрения. Необходим синтез, который предполагает использование достижений обоих направлений в историографии сюжета. Автор данной статьи не ставит перед собой задачу оценки всего массива текстов, посвящённых причинам Второй мировой войны, что явно выходило бы за рамки предпринимаемого исследования и вело бы к смещению его фокуса. Внимание будет обращено на работы, затрагивающие проблему коллективной безопасности как основы Версальского порядка, раскрывающие отношение к ней ключевых мировых игроков и с этой точки характеризующие их действия на фоне обострения международной обстановки в предвоенные годы. Особый интерес в этом смысле представляют труды, опубликованные за последние 30 лет: они вобрали в себя документальный материал британских и французских внешнеполитических и военных ведомств, введённый в научный оборот лишь в 1970–1980-е гг., а также российских архивов, долгое время остававшихся недоступными для исследователей.

Коллективная безопасность как незавершённая система

В своей последней книге британский историк Дж. Хэслэм, заочно полемируя с историками-ревизионистами, склонными объяснять причины Второй мировой войны обстоятельствами традиционной великодержавной конкуренции, указывает на их ключевую ошибку: «Наше понимание событий XX века не может сводиться к простым объяснениям в духе традиционной политики баланса сил без серьёзного ущерба для истины. Прямое проецирование нашего понимания межгосударственных отношений определённого периода на совершенно другую эпоху – не лучший рецепт успеха, что обнаружил историк А. Дж. П. Тейлор, когда от своих исследований XIX века перешёл к попыткам объяснить “разительно отличающийся XX век”». По мнению Хэслэма (Haslam 2021: VIII), историк, исследуя природу мировой политики в новейшее время, должен всегда помнить об имеющем для неё ключевое значение факторе Первой мировой войны.

В историографии долгое время недооценивались тектонические последствия конфликта 1914–1918 гг. для международных отношений. Эту ситуацию в 1982 г. зафиксировал М. Трахтенберг, констатируя, что через 60 лет, прошедших со времени заключения Версальского договора, историки продолжали рассматривать его как «карфагенский мир» – акт насильственного навязыва-

ния побеждённой Германии воли победителей, чему не смогла помешать нерешительная «новая дипломатия» президента США В. Вильсона, столкнувшаяся с циничной политикой Ж. Клемансо при двусмысленной позиции Д. Ллойд Джорджа (Trachtenberg 1982: 487). Логика «большой стратегии» сводила проблему мирного урегулирования к идее о «неперегоревшем» конфликте, по итогам которого проигравшая сторона, убеждённая в своей правоте, сохранила все возможности взять реванш. Г. Киссинджер, сравнивая Венский и Версальский порядок, отдавал предпочтение первому, как наилучшим образом абсорбировавшему «остаточную мощь побеждённого врага» (Киссинджер 1997: 203).

В научном сообществе не утихает дискуссия по вопросу о природе системной модели международных отношений, выросшей из итогов Первой мировой войны. Разногласия наблюдаются уже в выборе терминов, её характеризующих: на первый план выдвигаются понятия «система» и «порядок», причём под первым подразумевается весь комплекс структурных трансформаций в мировом масштабе, а второе акцентирует договорные конструкции, сложившиеся к 1922 г. в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе (Магадеев 2021: 18–19). В российской литературе Версальско-Вашингтонскую систему по традиции рассматривают как глобальное целое, наделённое специфическими свойствами (Всемирная история... 2017: 309–311; Вторая мировая война... 2020: 23–24). Представляется, что при подобном подходе конкретно-историческое измерение темы приносится в жертву стремлению к генерализации и выявлению универсальных закономерностей. Нельзя не согласиться с мнением А.Д. Богатурова, которое доминирует и в западной историографии, о том, что «после Первой мировой войны центральное положение европейской подсистемы (Версальский порядок) осталось бесспорным» (Системная история... 2000: 11). В то же время после 1925 г. она превратилась в полноценную нормативную структуру, обладавшую собственной спецификой.

В современной историографии укоренилось представление о том, что Версальский порядок представлял собой более сложную систему, чем считалось ранее. Д. Стивенсон одним из первых отметил необходимость учитывать коренным образом изменившиеся условия, в которых действовали лидеры стран-союзниц на Парижской мирной конференции: кризис традиционной политики баланса сил, не сумевшей ни предотвратить войну, ни ограничить её; серьёзную дискредитацию старой модели дипломатии; сближение внешнеполитической и внутривнутриполитической повесток воевавших стран (Stevenson 2004). С рядом его выводов согласился Н. Фергюсон, констатирующий, что Версальский договор не был для Германии настолько тяжёл, как считалось ранее (Ferguson 1999: 395). М. Макмиллан подчёркивала, что в Париже в 1919 г. решалась беспрецедентная по сложности задача, и удивительно не то, что выработанное там соглашение было несовершенным, а то, что оно «не оказалось хуже» (Macmillan 2002: 495).

Несмотря на продолжающуюся в историографии дискуссию о «случайном» начале Первой мировой войны (Романова 2014), в последние десятилетия во

многих работах был сделан вывод о том, что понять характер Версальского порядка без учёта структурных причин конфликта 1914–1918 гг. невозможно: глобальная конкуренция ведущих стран в начале XX в. вышла за рамки «концерта держав» и, став неконтролируемой в годы войны, разрушила всю международную архитектуру (Bayly 2004; Ливен 2017; D'Agostino 2012). В 1919 г. речь шла о том, чтобы упорядочить «империалистическую Weltpolitik» и создать принципиально новые механизмы обеспечения безопасности, минимизировавшие вплоть до сведения на нет вероятность начала войны, которая теперь несла в себе недопустимые риски (Туз 2019а). В этом свете вильсоновский интернационализм, традиционно воспринимавшийся историками как идеалистическая конструкция, приобретал глубокое практическое измерение, закладывая нормативную основу единых целей и правил мирового развития (D'Agostino 2012: 113; Ikenberry 2020: 102).

Под таким углом зрения германский вопрос, вставший перед победителями после 1918 г., выглядит как один из элементов (хотя и ключевой) общей проблемы выработки новой конфигурации международных отношений. Как показывают исследования Ж.-А. Суту, никто из участников Парижской мирной конференции не сомневался в том, что механизмы контроля над германской мощью должны быть глобальными по своему характеру: французская дипломатия в годы войны даже выдвигала идею «атлантического союза» (Soutou 2015: 255–256). Проблема, обозначившаяся в ходе переговоров в Париже, заключалась в степени вовлечения великих держав в поддержание нового порядка. Наиболее ярко она проявилась в дискуссии о характере Лиги Наций.

Изучение Версальского порядка в рамках стратегической логики баланса сил нивелировало значение Лиги Наций как второстепенного и, как показали события, неэффективного механизма обеспечения безопасности, что во многом объясняло незначительное внимание, которое долгое время уделялось проблематике этой международной организации в историографии (Pedersen 2007: 1091–1092). Общая переоценка природы Версальского порядка ведёт к пересмотру подобного подхода, который, однако, всё ещё присутствует в современной историографии (Васильева 2017). Как показала Р. Хениг, за дискуссиями о Лиге наций скрывались два проекта послевоенной системы безопасности (Henig 2019). Англо-американский вариант предполагал создание для урегулирования конфликтов в арбитражном порядке до того, как они вылились в вооружённые столкновения, постоянно действующей международной конференции с ведущей ролью великих держав. Проект, предложенный Францией, предусматривал более активное участие средних и малых стран, вплоть до создания общих институтов и законодательной базы.

Во французских предложениях 3. Стайнер, автор обобщающих монографий по истории международных отношений межвоенного периода, усматривала «расширенный оборонительный союз против Германии» (Steiner 2005: 43), однако П. Джексон убедительно показал, что скорее речь шла об учреждении наде-

лётной широкими полномочиями наднациональной структуры, в рамках которой проблема поддержания мира фигурировала как один из аспектов большой задачи управления глобальным развитием (Jackson 2013: 266–275). Успех этого замысла, как отмечает А. Туз, зависел от позиции англо-саксонских держав (Туз 2019а: 326). Ни Ллойд Джордж, рассматривавший сюжеты безопасности в контексте британской имперской политики, ни Вильсон не были готовы взять на себя подобную ответственность.

В своём новом исследовании истоков либерального интернационализма Дж. Айкенберри отмечает, что американский президент «не видел опасностей для мира и либеральной демократии, крившихся в самом модерне. Вопрос, по его мнению, сводился к тому, что государства не были в достаточной степени модернизированными» (Ikenberry 2020: 102). Иными словами, проблема безопасности должна была решиться сама собой в ходе естественной эволюции международных отношений, избавленных от влияния *Realpolitik*. В результате согласованный проект Лиги Наций оказался далёким от французских пожеланий. По словам Р. Хениг, дальнейшее развитие зависело от того, как сложатся условия работы Лиги (Henig 2011: 35). Р. Стивенсон и А. Шарп полагают, что это обстоятельство во многом объясняло «открытый» характер Версальского договора, закрепившего базовые основы системы коллективной безопасности.

Само это понятие вошло в обиход не ранее начала 1930-х гг. (Egerton 1983: 502), однако его основные элементы рассматривались как непреложные уже в 1919 г. Идея коллективной безопасности постулировала императив недопущения войны как таковой; насилие утрачивало легитимность в качестве средства международной политики; на смену двусторонним договорам, поддерживавшим баланс сил, приходил многосторонний механизм купирования агрессии; принцип открытой дипломатии заменял практику заключения секретных соглашений. Сразу возникла проблема реальной имплементации этих положений. Открывалось два пути: сделать их основой активного вовлечения США и Великобритании в поддержание послевоенного статус-кво, что позволило бы снять французский страх германского реванша или интегрировать Германию в послевоенный порядок, либо внедрять их твёрдой рукой, задействовав традиционные инструменты сдерживания (Stevenson 1998: 22–23; Sharp 2011: 29).

Серия попыток нащупать оптимальный вариант развития согласованной на Парижской мирной конференции модели коллективной безопасности привела к заключению в октябре–декабре 1925 г. Локарнских соглашений. В оценке их эффективности среди историков по сей день существуют серьёзные разногласия. Во второй половине XX в. сформировалась историографическая традиция рассматривать Локарнский режим безопасности как заведомо непрочный ввиду ограниченности потенциала франко-германского диалога, нежелания Великобритании в полной мере способствовать его стабилизации и самоустранения

США от европейских дел (Boyce 2009: 133–135, Doise, Vaïsse 2015: 362). Этой традиции следуют современные российские исследователи (Системная история... 2000: 172; Магадеев 2021: 549–550).

Иначе на проблему смотрят П. О'Корс и А. Туз, которые во главу угла ставят соответствие Локарнского режима трендам глобального развития. По их мнению, после 1925 г. были сняты основные препятствия к интеграции Европы в мировое хозяйство в рамках трансатлантической модели сотрудничества, что открывало путь к экономической стабилизации Старого света, а, следовательно, минимизировало военную опасность (O'Cohrs 2008: 259, 279; Туз 2019а: 587–589). З. Стайнер делает акцент на структурной особенности Локарнского режима, который, по её мнению, представлял собой нечто среднее между «прошлыми альянсами и конструкциями в духе коллективной безопасности, обсуждавшимися в Женеве» (Steiner 2005: 408). Он носил подчёркнуто невоенный характер, опираясь исключительно на авторитет держав, его подписавших. Вместе с тем гарантами нерушимости франко-германской границы выступало не всё мировое сообщество, как то предполагалось уставом Лиги Наций, а фактически «концерт» ключевых европейских держав.

Таким образом, главная ответственность за функционирование коллективной безопасности в Европе возлагалась на великие державы, которые наделялись широкими полномочиями по поддержанию международной стабильности вплоть до пересмотра подписанных договоров. Однако этот порядок не был институционализирован и не имел собственной легитимности: её источником являлась Лига Наций, выступавшая гарантом мира во всём мире и принципа равенства наций. По мнению Ж.-А. Суту, именно в этом крылась главная слабость системы коллективной безопасности: великие державы продолжали играть преобладающую роль в решении ключевых международных проблем, исходя, прежде всего, из собственных интересов, в то время роль легитимного дискурса мирового сообщества играли либеральные интернационалистские принципы (Soutou 2011: 180–181).

Вместе с тем французский историк и его коллеги (Soutou 2000: 88–90; Bariéty 2000: 107, 118) показывают, что коллективная безопасность была открытой системой. Стоявшая у её истоков французская дипломатия не оставляла попыток модернизировать Локарнский режим за счёт расширения сферы его действия на восток, углубления экономического взаимодействия между его участниками, подготовки более глубокой интеграции в рамках проекта «Панъевропы», привлечения США в качестве политического гаранта европейского статус-кво. Как подчеркивает П. Джексон, Локарнские соглашения, как и Версальский договор, обладали запасом гибкости (Jackson 2013: 496, 513). Проблема заключалась в дефиците политической воли, необходимой для реформирования системы коллективной безопасности в то время, когда она столкнулась с неблагоприятными внешними условиями.

Вызовы системе коллективной безопасности

В современной историографии происходит переоценка влияния мирового экономического кризиса на обострение международной обстановки в начале 1930-х гг. В научной литературе второй половины XX в. доминировало представление о кризисе как о катализаторе процессов распада Версальского порядка, которые латентно развивались на протяжении всего послевоенного десятилетия. Такое представление оказалось под вопросом после того, как историки пришли к выводу, что модернизированный в Локарно Версальский порядок к рубежу 1920–1930-х гг. не демонстрировал очевидных признаков упадка, несмотря на ряд имевшихся внутренних дисбалансов. Во всяком случае, проблемы не казались неразрешимыми ввиду того, что система международных отношений опиралась на мощный фундамент глобализовавшейся экономики, роль центра которой всё увереннее брали на себя США (O’Cohrs 2008: 603, 612; D’Agostino 2012: 215; Steiner 2005: 631). В этом смысле интерес представляют выводы О.Н. Кена, отметившего колебания советского руководства, ряд членов которого в конце 1920-х гг. скептически оценивали шансы СССР построить изолированную социально-экономическую систему (Кен 2008).

Историки сходятся на том, что важным фактором распада системы коллективной безопасности был взрывной демонтаж той модели глобального экономического развития, которая возникла после 1925 г. (Overy 1994: 92; D’Agostino 2012: 220). Отказ от золотого стандарта валют лишил мир «надёжного средства предотвратить возрождение империализма» (Туз 2019а: 603), а появление запретительных таможенных барьеров вкупе с возникновением валютных блоков вводило мир в «эпоху наций, окружённых стенами», как впоследствии выражался Б. Муссолини (Maiolo 2010: 62). Кризис вернул в мировую политику тот дух агрессивного соперничества, который, казалось, уже уступал место представлениям об общем интересе в стабильном солидарном развитии. По словам Л. Миллера, «модель коллективной безопасности эффективна лишь в том случае, если она действует в условиях, когда для реализации конкурирующих ценностных установок существуют альтернативные мирные форматы» (Miller 1999: 304). Ситуация начала 1930-х гг. выглядела тем тревожнее, что в наличии имелись не просто конкурирующие, а отрицавшие друг друга ценностные установки. Нормативной модели «новой дипломатии» противостояла агрессивная философия нацизма и фашизма.

Несмотря на отсутствие у исследователей единого подхода к характеристике нацистской внешней политики (Lüdicke 2011: 101, 107), три её важнейшие особенности не оспариваются никем из серьёзных исследователей. Во-первых, она реабилитировала насилие как инструмент решения межгосударственных противоречий. Внутри страны оно направлено против сил, подтачивающих жизненные основы нации, однако своё подлинное предназначение реализует, приобретая форму внешней экспансии. Вооружённое противостояние, по Гит-

леру, – «сильнейшая и самая классическая» разновидность не только политики, но и жизни вообще (Фест 2006: 350). Главный смысл войны – захват жизненного пространства. Этот тезис был впервые раскрыт в классическом исследовании Г. Вайнберга (Weinberg 1970) и развит в работах Дж. Райта и А. Туза (Wright 2007; Туз 2019b). Во-вторых, нацистская внешняя политика концептуально отвергала интернационализм, противопоставляя ему закрытое общество (Weinberg 1970: 3–5). Из этих двух особенностей вытекала третья – специфический характер нацистской дипломатии.

Гитлер избегал участия в многосторонних форматах обсуждения проблем европейской безопасности, предпочитая прямые двусторонние контакты с ключевыми международными игроками, подменяя регулярные дипломатические каналы практикой назначения своих личных представителей. В результате германская внешняя политика становилась всё менее предсказуемой и всё более авантюристичной, чем дальше, тем больше подчиняясь задаче создания выгодных условий для начала войны (Watt 2003: 335). По схожей модели выстраивали свою внешнюю политику другие ключевые государства-ревизионисты – Италия (Mallett 2003; Bosworth 2011) и Япония (Nish 2009). В своём ядре эта политика противоречила императиву коллективной безопасности как способу ликвидации военной угрозы; нацизм и фашизм не опасались войны, а стремились к ней.

Особняком стояла другая страна, непосредственно не вовлечённая в процесс строительства европейской системы коллективной безопасности в середине 1920-х гг. – СССР. В историографии идёт дискуссия о том, можно ли считать Советский Союз в 1920–1930-е гг. ревизионистской державой, нацеленной на подрыв Версальского порядка (Мельтюхов 2000: 415; Jackson 2015: 217, 252; Великая русская революция... 2018: 206–207; Туз 2019a: 509, 527; Айрапетов 2020: 14–15), однако очевидным кажется тот факт, что приверженность Москвы поддержанию статус-кво имела свои пределы. СССР, полагает З. Стейнер и Р.А. Сетов, представлял собой силу, которая по своим политическим, экономическим и идеологическим параметрам не вписывалась в систему международных отношений, возникшую после Первой мировой войны, и потому постоянно сталкивалась с трудностями, пытаясь выстроить взаимоотношения с хранителями статус-кво (Steiner 2005: 557–558; Сетов 2020: 81–82).

Открытие советских архивов позволило историкам достаточно подробно изучить внешнеполитические взгляды высшего советского руководства (Pons 2002: 1–3; Harris 2007: 513, 545; Кен 2008: 42, 51). Главной точкой отсчёта для него был тезис о неизбежности новой мировой войны. По мнению И.В. Сталина, Советский Союз находился в окружении враждебных государств, которые, выбрав удобный момент и заручившись поддержкой одной или нескольких великих держав, могли развязать войну. Призрак враждебной коалиции довлел над умами советских лидеров, которые в этой связи ставили перед собой двоякую цель: с одной стороны, всячески укреплять промышленный потенциал страны с целью ликвидации военно-экономического отставания от Запада, а с другой – активно

использовать «межимпериалистические противоречия», чтобы воспрепятствовать формированию антисоветского блока, заключая при необходимости тактические соглашения с потенциальными противниками. Воззрения Сталина и его окружения, таким образом, не совпадали с идеями, распространившимися на Западе, но и явно противоречили нацистскому видению.

Подобный «прагматический оппортунизм» (Сетов 2020: 82) создавал особые условия для деятельности советской дипломатии во главе с М.М. Литвиновым. Несмотря на очевидную актуальность проблематики советского участия в системе коллективной безопасности, его начальному периоду в научном дискурсе уделяется меньшее внимание, чем периоду завершающему, непосредственно предварявшему Вторую мировую войну (Haslam 1984; Ken 1996; Очерки истории... 2002; Дюллен 2009; Хормач 2011; Хормач 2017; Айрапетов 2020). В частности, более глубокого изучения заслуживает роль Литвинова в повороте внешней политики СССР. Историки согласны в том, что система представлений о международных отношениях главы Наркомата по иностранным делам (НКИД) существенно отличалась от взглядов Сталина и его ближайшего окружения (Европа между миром и войной... 1992: 125–126; Дюллен 2009: 17; Случ 2005). Сформулированный Литвиновым принцип «неделимого мира» явно вдохновлялся набиравшими популярность интернационалистскими тенденциями, а взаимодействие с западными странами в борьбе против военной угрозы должно было вернуть Советскому Союзу великодержавный статус (Кен, Рупасов: 2000: 95).

По-прежнему актуально звучит вопрос, поставленный М.М. Наринским: исходила ли Москва из «приверженности идее коллективной безопасности как таковой» или «из национально-государственных интересов СССР» (Наринский 2003: 70–71)? Если, как полагает сам историк, верен второй ответ, то в начале 1930-х гг. совпали два целеполагания советской внешней политики: идея Литвинова о встраивании СССР в реформированный Версальский порядок в качестве великой державы и прагматические расчёты Сталина и его окружения, готовивших страну к скорой войне. Международная обстановка создавала для этого необходимые условия. Сталин, вплотную занимавшийся решением сложных внутренних вопросов, дал наркому по иностранным делам карт-бланш на разворот советской внешней политики (Haslam 1994: 57). В среднесрочной перспективе эти два трека могли соединиться в том случае, если механизмы коллективной безопасности доказали бы свою эффективность для обеспечения неприкосновенности границ СССР: Литвинов с самого начала не питал иллюзий по поводу гитлеровской политики и считал её главной угрозой Советскому Союзу (Дюллен 2009: 91–92). Треки могли разойтись, если бы в Кремле посчитали, что курс Литвинова не оправдывает ожиданий.

Распад системы коллективной безопасности

Активизация внешней политики держав-ревизионистов и поворот Советского Союза к сотрудничеству с Западом полностью поменяли расклады в европейских делах. Ни в Лондоне, ни в Париже не было ясности по поводу истинных намерений Германии и Советского Союза. Большинство исследователей склоняются к предположению, что понимание угрозы со стороны Гитлера пришло к западным политикам далеко не сразу. Как показали Г. Винклер и А. Туз, уже последние веймарские правительства реализовывали курс, направленный на демонтаж или, по крайней мере, серьёзное переформатирование Локарнского режима (Винклер 2013: 46–48; Туз 2019b: 46–47). Германский ревизионизм получил определённую легитимность в глазах великих держав, а британские политические круги рассматривали его как неизбежность (Watt 2003: 337). Я. Кершоу, автор одной из наиболее полных биографий Гитлера, отмечает, что основы ревизионистской внешнеполитической программы нацистского режима были разработаны в первые месяцы 1933 г. сотрудниками германского МИД без непосредственного участия Гитлера (Kershaw 2008: 257). Лондон и Париж были склонны рассматривать Гитлера как переходную фигуру и недооценивать значение его расовой теории (Jackson 2000: 45, 55; Steiner 2011: 22–23).

Поворот советской политики к коллективной безопасности также неоднозначно воспринимался на Западе. В Париже и Лондоне зафиксировали отход СССР от идеи мировой революции, однако глубокое недоверие к инициативам Москвы, конечные цели которой вызывали сомнения, сохранялось. Как показано в работе Дж. Хэслэма, до конца 1933 г. в подходах британской и французской дипломатии к советской проблеме доминировали сомнения, несмотря на заключённый в ноябре 1932 г. советско-французский пакт о ненападении (Haslam 1984). С. Дюллен, склонная возлагать на Москву ответственность за тупик, в котором в начале 1930-х гг. оказались отношения между СССР и Западом, всё же признает, что советско-французскому сближению препятствовало отсутствие у французской политической элиты консенсуса в советском вопросе (Дюллен 2009: 96). В обеих европейских столицах на Советский Союз смотрели как на внутренне нестабильное государство со слабым военным потенциалом (Alexander 1992: 290; Neilson 2005: 94–95; Vidal 2015: 90). Над умами западных дипломатов неизменно витал «призрак Рапалло» – возможность нового сближения СССР и Германии. Намерение литвиновской политики достичь нового качества взаимодействия с Западом осталось нераспознанным.

Оба стратегических заблуждения стран-хранительниц статус-кво и столпов коллективной безопасности ряд исследователей склонны объяснять глубоко усвоенным их элитами антикоммунизмом (Carley 2001: 170–173; Сиполс 1989: 17) и сохранявшимися «цивилизационными противоречиями между Россией в её советской ипостаси и коллективным Западом» (Великая русская революция... 2018: 207). Другие полагают, что у британского и французского кабинетов

было достаточно причин для того, чтобы в 1933 г. резко менять курс политики в отношении Берлина и Москвы (Réau du 1993: 197; Young 1996). В то же время со второй половины XX в. в историографии существует и иная объяснительная конструкция, наиболее полно представленная французским историком Ж.-Б. Дюрозелем в монографии с характерным заглавием «Упадок» (Duroselle 1979). Её сторонники полагают, что предпосылки подобного пассивного курса следует искать во внутренних проблемах западных обществ, «погружённых в себя, приверженных политике разоружения и занятых разрушительными последствиями Великой депрессии» (Jackson 2000: 45). В любом случае именно неверная оценка Парижем и Лондоном изменений международной обстановки в начале 1930-х гг. сыграла роковую роль в росте военной опасности на европейском континенте. По справедливому замечанию П. Джексона, система коллективной безопасности, сложившаяся в Европе во второй половине 1920-х гг., не имела иммунитета к агрессивному внешнеполитическому курсу держав-ревизионистов и не была приспособлена к фрагментации пространства межгосударственных связей, нараставшей под влиянием Великой депрессии (Jackson 2015: 241–242). В этих условиях её родовой порок – противоречие между целями великих держав и интересами мирового сообщества – проявлялся в полной мере.

Ещё в 1970-е гг. в историографии сформировалось представление о том, что первый серьёзный удар по системе коллективной безопасности нанесла Япония, захватив в 1931 г. часть Китая – Маньчжурию. Как показал К. Торн, а вслед за ним, уже в 1990-е – начале 2000-х гг., И. Ниш, М. Лэмб и Н. Тарлинг, Маньчжурский инцидент продемонстрировал отсутствие единых правил игры для всего мирового сообщества, склонность ревизионистов осознанно торпедировать институты коллективной безопасности, а великих держав – уходить от обязательств, налагаемых духом Устава Лиги Наций, ради реализации собственных стратегических интересов (Thorne 1973: 408; Nish 1993: 236; Lamb, Tarling 2001: 87). К схожему выводу в 1970–1980-е гг. пришли Э. Беннет, М. Вайс и К. Холл в исследовании работы Женевской международной конференции по разоружению: противоречия между великими державами, по-разному трактовавшими собственные интересы в оборонной сфере, свели на нет шансы создать единую систему контроля над вооружениями, которая укрепляла бы институты коллективной безопасности, что позволило Германии встать на путь перевооружения (Bennet 1979: 506; Vaisse 1981: 613; Hall 1987). Это мнение разделяет и Дж. Майоло (Maiolo 2010: 75).

Протагонистом системы коллективной безопасности в Европе была Франция, но события 1931–1932 гг. расшатали её международные позиции. В историографии по-прежнему доминирует представление о французской внешней политике предвоенного десятилетия как несамостоятельной, подверженной влиянию «английской гувернантки» (выражение Ф. Бедарида) (Bédarida 1977: 228). Этот тезис, однако, требует уточнения. Р. Янг, Ж.-А. Суту полагают, что применительно к первой половине 1930-х гг. следует говорить не столько о слабости

французской дипломатии, сколько об отсутствии у неё реальных возможностей в рамках Лиги Наций и созданных под её эгидой международных механизмов (Young 1996: 15; Soutou 2005: 52). Переход к традиционному сдерживанию потенциального противника в рамках коалиционной стратегии был табуирован в глазах политических элит и общественного мнения как потенциально чреватый повторением событий 1914 г. (Reynolds 2014: 214–215). Принятие германских условий на фоне паралича международных институтов представлялось опасным. Британские гарантии неприкосновенности французских границ оставались в большой степени абстракцией.

Учёт этих обстоятельств позволяет в новом свете рассмотреть французскую позицию в ходе переговоров о «пакте четырёх» весной – осенью 1933 г. З. Стайнер полагает, что выдвинутая Б. Муссолини идея создания своего рода европейской «директории», наделённой теми же полномочиями, которые Устав Лиги Наций закреплял за всем международным сообществом, в том числе правом пересмотра заключённых договоров, была принята французами сугубо по тактическим соображениям с целью преодоления тупика на конференции по разоружению в Женеве (Steiner 2011: 37). «Пакт четырёх» мог рассматриваться французской дипломатией как способ преодоления противоречий системы коллективной безопасности за счёт «институционализации» её ядра, великих держав, на основе принятия ими минимального «общего знаменателя», зафиксированного в Уставе Лиги, – отказа от войны как инструмента изменения статус-кво (Réau du 1993: 110).

С этой точки зрения целесообразно рассмотреть и проект советско-французского сближения в начале 1930-х гг. Исследователи традиционно не переоценивают значение пакта о ненападении и сходятся на том, что с точки зрения Франции оно преследовало ограниченную цель повлиять на поведение Германии, переходившей к жёсткому ревизионистскому курсу, иными словами – удержать её в рамках Локарнского режима (Scott 1962: 73; Белоусова 1976: 102–103). Историки склонны переоценивать потенциальное значение советско-французского пакта о взаимопомощи, подписанного в мае 1935 г. С подачи Ж.-Б. Дюрозеля во французской историографии долгое время доминировало представление о том, что проект так называемого Восточного пакта, предложенный Парижем Москве в декабре 1933 г., к осени 1934 г. при участии министра иностранных дел Франции Л. Барту перерос в перспективу создания двустороннего военно-политического альянса, типологически схожего с русско-французским союзом конца XIX в. (Duroselle 1962; Малафеев 1988). В последние десятилетия эта оценка корректируется (Young 1991; Soutou 2005).

Судя по документам Кэ д'Орсэ, Барту не собирался форсировать сближение с Москвой, а помещал его в строгие рамки коллективной безопасности. Французский министр оговаривал, что проектируемую систему договоров о взаимопомощи не следует отождествлять с классическими военными союзами и подчёркивал, что в ней должны принять участие все ключевые центрально-ев-

ропейские государства, включая Германию и Польшу, а Советский Союз должен войти в Лигу Наций. Такого же мнения придерживался и П. Лаваль, преемник Барту, погибшего в октябре 1934 г. в Марселе в результате террористического акта. Подписанный с СССР договор был структурно вписан в механизмы коллективной безопасности – Устав Лиги Наций и Рейнский гарантийный пакт, что обесценило его в качестве инструмента силового сдерживания германского реваншизма.

Сделанная Францией во второй половине 1920-х гг. ставка на систему коллективной безопасности была слишком высока, чтобы резко от неё отказаться, что не позволило Парижу сманеврировать в момент, когда война превратилась из абстракции, заклеимённой пактом Бриана–Келлога, во вполне конкретную перспективу развития международных отношений. Ещё У. Черчилль высказал мнение о том, что черту под политикой коллективной безопасности подвела агрессия Италии против Эфиопии в 1935–1936 гг. (Churchill 1986: 148–149). Современные исследователи расценивают Эфиопскую войну как выверенный удар по конструкции коллективной безопасности, которая в глазах Муссолини не обладала легитимностью; премьер-министр Италии полагал, что за ширмой Лиги Наций скрываются банальные империалистические устремления Великобритании и Франции (Azzi 1993; Mallett 2003; Gooch 2003; Белоусов 1993: 203). «Тестом» для модели коллективной безопасности Эфиопский кризис называл ещё Дж. Бэр (Baer 1976): в 1935–1936 гг. речь шла не просто о том, чтобы остановить агрессию Муссолини, а чтобы сделать это, максимально эффективно применив инструментарий, имевшийся в распоряжении Лиги Наций. Характерно, что тогда эту идею отстаивал только Советский Союз (Haslam 1984: 60, Хормач 2017: 85, 126). По справедливой оценке З. Стейнер, проект «пакта Лавалья–Хора», предполагавший решение Эфиопского вопроса через закулисную сделку о разделе территорий в духе дипломатии XIX в., дискредитировал идею коллективной безопасности: летом 1936 г. ряд членов Лиги объявили об отказе считать обязательной для исполнения 16 статью Устава организации о совместном противодействии агрессии (Steiner 2011: 131–132). В марте 1936 г. Гитлер формально разорвал Локарнские соглашения, оккупировав Рейнскую демилитаризованную зону. Порядок, который существовал в Европе с 1925 г., рухнул. 1936–1939 гг. стали периодом поиска альтернатив политике коллективной безопасности. Современная историография выделяет две из них.

Между «умиротворением» и военно-политическим сдерживанием

Проблема «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны остаётся одним из наиболее острых вопросов в историографии. Заслугой историков-ревизионистов и исследователей-международников стало её освобождение от привязки к последним предвоенным годам и конкретно к Мюнхенским соглашениям с сопутствующим им негативным коннотациям; «умиротворение»

рассматривается как самостоятельный инструмент политики великих держав (Kennedy, Imlay 1999). П. Кеннеди в 1976 г. определил «умиротворение» как «осуществление политики урегулирования международных ... споров, признавая и удовлетворяя претензии путём разумных переговоров и компромиссов, избегая таким образом вооружённого конфликта, который может быть дорогостоящим, кровавым и потенциально чрезвычайно опасным» (Kennedy 1976: 195). В том же ключе высказывался Э. Люттвак, сетовавший на то, что в результате неумелых действий Н. Чемберлена «оказалась дискриминированной старинная и почтенная практика умиротворения» (Люттвак 2012: 272).

В современной англо-американской историографии сложилось комплексное представление о причинах «умиротворения» и его основных параметрах. В. Мюррей, Т. Имлей, П. Джексон проследили его связь с британской стратегией, сложившейся после окончания Первой мировой войны (Murray 2003; Imlay 2011; Jackson 2015). Присущая ей убеждённость в том, что европейская безопасность зависит от взаимоотношений Франции и Германии при недооценке проблемы восточноевропейского урегулирования, стремление добиться компромисса с Германией, который снял бы ключевые озабоченности Берлина и санкционировал мирную ревизию Версальского порядка, что в свою очередь позволило бы Лондону переключиться на решение проблем поддержания своего глобального доминирования и сохранения целостности империи, легли в основу «умиротворения» как целостной политики в отношении Берлина и Рима.

Дж. Чармли, Дж. Майоло, Р. Селф указали, в своей политике «умиротворения» правительство Н. Чемберлена опиралось на перевооружение британских ВВС и флота, которое должно было продемонстрировать потенциальному агрессору безальтернативность переговоров (Charmley 1990; Maiolo 2010: 247; Self 2006). Антисоветский компонент, стремление направить экспансию Германии на восток, которое традиционно акцентируют отечественные исследователи (Иванов 1993: 93, 133; Системная история... 2000: 300–301; Капитонова 2018: 200–201), не был, по мнению англо-американских историков, ключевой характеристикой «умиротворения». Важнейшим мотивом «умиротворения» они называют уверенность лидеров Великобритании и Франции в том, что противостоять гитлеровскому ревизионизму силой невозможно. С этим тезисом соглашались некоторые современные французские (Réau du 1993: 234) и российские (Сетов 2020: 104) исследователи.

Нет определённого ответа на вопрос о старте политики «умиротворения». Г. Киссинджер её ключевые элементы усматривал ещё в Локарнском переговорном процессе (Киссинджер 1997: 242). В отечественной историографии принято вести отсчёт с подписания англо-германского морского соглашения в июне 1935 г. (Наумов 2007: 30). Т. Имлей увязывает эту политику с приходом Н. Чемберлена на пост премьер-министра Великобритании в мае 1937 г. (Imlay 2011: 269). Э. Стендмен полагает, что лишь аншлюс Австрии в марте 1938 г. окончательно толкнул британский кабинет на путь «умиротворения» (Stendman 2011:

235). Нам представляется, что в вопросе хронологии следует исходить из фактического положения дел: в реальности эту политику долгое время проводил Лондон, ориентируясь на собственные национальные интересы. Консолидированным курсом держав-хранителей статус-кво она стала лишь после того, как к ней примкнула Франция, отказавшись в 1936 г. от попыток обеспечить свою безопасность в рамках подорванной Эфиопским и Рейнским кризисами системы коллективной безопасности.

Как показал П. Джексон, логика «умиротворения» имела тот же корень, что и философия коллективной безопасности – тезис об онтологической неприемлемости войны. Ключевое отличие заключается в том, что многосторонние механизмы достижения компромисса неэффективны ввиду своей изначальной негибкости. Переговорам в формате ассамблей Лиги Наций «умиротворители» предпочитали встречи на высшем уровне ограниченного количества участников, полагаясь на априорную общность их базовых интересов, главным из которых они считали нежелание начинать новую войну, и ожидая, что лидеры великих держав могут договориться по самому широкому спектру международных вопросов (Jackson 2015: 249). «Умиротворение» не реабилитировало силу как инструмент внешней политики, но уделяло ему значительное внимание, демонстрируя потенциальному агрессору безальтернативность переговоров.

Как можно заметить, политика «умиротворения» в ряде отношений представляла собой ответ на противоречие между интересами великих держав и императивами функционирования мирового сообщества, сформулированными «новой дипломатией», которое, собственно, и подорвало систему коллективной безопасности. «Умиротворение» предполагало переход к модели, аналогичной «Пакту четырёх», – «директории» великих держав, берущих на себя ответственность за поддержание мира. Инициаторы «умиротворения» не понимали, что в лице германского нацизма имеют дело с принципиально новым международным актором, чьи действия не объяснялись логикой Realpolitik (Steiner 2011: 651). Альтернативой бесплодным попыткам «умиротворить» Гитлера после распада механизмов коллективной безопасности могло стать классическое силовое сдерживание посредством военно-политических альянсов. Эта перспектива возникала в случае эффективного стратегического взаимодействия между Парижем и Москвой.

Историки сходятся в том, что внешняя политика СССР оказалась на перепутье: курс на встраивание в институты коллективной безопасности себя не оправдывал, по поводу альтернатив ему окончательной ясности не было. С.З. Случ полагает, что в 1936 г. Сталин рассматривал возможность разворота в сторону соглашения с Германией (Случ 2005: 101). По мнению Т. Удрикса, Дж. Робертса, Г. Городецкого и С. Понса, Москва переходила к внешнеполитическому маневрированию и действиям в зависимости от складывавшейся международной конъюнктуры (Uldricks 1994: 71–73; Roberts 1995: 48; Городецкий 2001: 20; Pons 2002: 66–67). А.Д. Богатуров считает, что СССР делал ставку на «тради-

ционные военно-дипломатические средства» (Системная история... 2000: 294, 301–303), а С. Дюллен, развивая эту мысль, высказывает предположение, что в Кремле и НКВД рассматривали возможность переформатирования механизма коллективной безопасности в военно-политический союз (Дюллен 2009: 119, 124–125).

История советско-французских военных переговоров 1936–1937 гг. до сих пор детально не изучена, несмотря на вышедшую недавно специальную статью М. Дж. Карлея (Карлей 2021). Тот факт, что консультации шли не только по дипломатическим, но и по военным каналам при активном участии военного атташе в Париже С.И. Венцова, близкого к наркому обороны К.Е. Ворошилову, а также других представителей высшего командования РККА, говорит о серьёзности намерений Москвы, которая укреплялась на фоне гражданской войны в Испании, грозившей вылиться в европейский конфликт, и появления окна возможностей в диалоге с Францией, открывшихся после прихода к власти в стране левоцентристской коалиции Народного фронта. Ключевыми вопросами консультаций были модальность оказания сторонами друг другу вооружённой помощи, а также польская проблема: Москва предлагала Парижу изучить перспективу совместного противостояния германо-польской коалиции.

В зарубежной историографии доминирует мнение о том, что причиной провала советско-французских военных переговоров стали начавшиеся в июне 1937 г. репрессии против верхушки РККА (Alexander 1992: 301). Советские архивные документы свидетельствуют о том, что французская сторона фактически саботировала переговоры уже весной 1937 г.: Париж окончательно брал курс на встраивание в британскую политику «умиротворения». Без окончательного ответа пока остаётся вопрос о том, как на это собиралась реагировать советская дипломатия. С. Понс утверждает, что с 1937 г. СССР отказался от активного противодействия военной опасности путём внешнеполитического маневрирования и замкнулся на подготовке к войне, уже бушевавшей на Дальнем Востоке (Pons 2002: 72). С. Дюллен полагает, что Литвинов не оставил надежд на соглашение с Францией и собрался играть «вдолгую» и при удобном стечении обстоятельств реанимировать некую дипломатическую комбинацию с участием СССР и западных демократий (Дюллен 2009: 137).

Принимая во внимание поведение наркома в ходе международных кризисов 1938 г., это мнение представляется обоснованным, однако речь уже не шла о возрождении системы коллективной безопасности в том виде, в каком она существовала в начале 1930-х гг. Вероятно, Литвинов находился в поиске такой модели, которая минимизировала бы военную угрозу и сохранила бы за СССР как великой державой право голоса в решении европейских дел. В этом качестве мог бы выступить фронт держав, заинтересованных в сохранении статус-кво – аналог «фронта Стрезы» 1935 г. Некоторые историки высказывают предположение, что нарком не возражал бы против подключения Советского Союза в том или ином виде к европейской «директории», проектируемой в рамках по-

литики «умиротворения» (Hochman 1984: 146; Ragsdale 2004: 127). З. Стейнер и Дж. Майоло считают, что именно отказ Великобритании и Франции пригласить СССР к обсуждению судьбы Судетской области летом–осенью 1938 г. стал ключевым фактором недовольства Москвы (Maiolo 2010: 206; Steiner 2011: 645).

Позиция СССР в ходе Чехословацкого кризиса 1938–1939 гг. выступает предметом дискуссии среди исследователей (Ragsdale 2004: XIX–XXII; Dessberg 2013: 90–93), однако мало споров вызывает тот факт, что именно Мюнхенские соглашения, ставшие апофеозом политики «умиротворения», покончили с надеждами на коллективный формат международной политики, которые ещё могли оставаться в Москве. Европейская «директория», замысел которой принадлежал Чемберлену, была оформлена англо-германской и франко-германской декларациями о взаимопонимании, подписанными соответственно на Мюнхенской конференции и в декабре 1938 г. в ходе визита И. Риббентропа в Париж. Произошедшее подтверждало худшие опасения Москвы; угроза международной изоляции (Обичкина 2009: 98), безусловно, перевешивала имиджевые преимущества, которые СССР получил, не участвуя в предприятии, возымевшем тяжёлые последствия (Lukes 1996: 256; Carley 2012).

Мюнхен стал символическим концом эры коллективной безопасности, оставив в прошлом ассамблеи Лиги Наций как основной формат дискуссий по международным проблемам. Американский историк Д. Рейнолдс полагает, что в 1938 г. в столице Баварии состоялся первый «личный саммит» – встреча на высшем уровне лидеров великих держав, в ходе которой они, облечённые доверием мирового сообщества, обсуждают вопросы глобального значения (Reynolds 2007). Типологически Мюнхенская конференция походила на конференции лидеров воюющих держав в 1939–1945 гг. и саммиты периода холодной войны и, таким образом, была провозвестником новой конфигурации международных отношений.

Исследователи дипломатического кризиса весны–лета 1939 г. иногда характеризуют его как продолжение борьбы за коллективную безопасность (Roberts 1995: 61; Haslam 1984: 219; Наринский 2009: 35), хотя впору задаться вопросом о том, какая из двух сторон, обсуждавших противодействие германской агрессии, – СССР или западные демократии – в большей степени руководствовалась духом этой борьбы. К марту 1939 г. Советский Союз окончательно отказался от стремления к заключению многосторонних гарантийных соглашений и арбитража и устами Сталина объявил о том, что рассматривает сложившуюся международную обстановку как военную. В этой ситуации речь могла идти лишь о создании военно-политического союза и обеспечении для его функционирования наиболее выгодных стратегических условий. Строго говоря, к коллективной безопасности подобная установка не имела отношения. Между тем западные демократии, после захвата Гитлером Праги 15 марта 1939 г. осознавшие провал курса на «умиротворение», продолжали оперировать категориями арбитража и гарантий, а главное, как справедливо отмечает З. Стейнер, стремились всеми

возможными способами избежать войны как недопустимого варианта развития событий (Steiner 2011: 910).

В данном контексте примечательна историографическая дискуссия по вопросу о причинах отставки Литвинова с поста наркома в мае 1939 г. К началу 2000-х гг. среди исследователей сложилось два подхода. Сторонники первого считали, что отставка знаменовала собой поворот советского руководства к соглашению с Германией, против которого традиционно выступал Литвинов (Watt 1989: 232; Дашичев 2005: 469; Дюллен 2009: 253). Другие исследователи усматривали причину отставки в стремлении Сталина и его ближнего круга взять внешнюю политику под свой полный контроль (Uldricks 1994: 73; Roberts 1995: 72; Фляйшхауэр 1990: 138). Опираясь на ставшие доступными документы архива НКВД, М. Дж. Карлей предположил, что истинной причиной отставки Литвинова могли быть разногласия по вопросу о том, как именно следует вести переговоры с западными демократиями (Carley 1999: 134). Эту идею подробнее раскрыл А. Ресис, показавший, что последний проект англо-франко-советского договора, составленный Литвиновым 15 апреля 1939 г., представлял собой скорее рамочное гарантийное соглашение и предлагался как уступка Западу. По мнению историка, подобный подход противоречил настроениям Кремля: военную помощь Сталин был готов гарантировать лишь в обмен на жёсткий военный союз (Resis 2000: 51).

На вопрос о причинах отставки Литвинова, очевидно, нельзя дать однозначного ответа. Представляется, что последняя точка зрения в полной мере отражает те колебания, которые переживал курс советской дипломатии в отношении системы коллективной безопасности. Весной 1939 г. в условиях разрушенных международных институтов сдержать Гитлера одной лишь угрозой коллективного противодействия было уже невозможно – война становилась неизбежной в краткосрочной перспективе. На повестке дня стоял вопрос победы в войне, а не её предотвращения, над чем работала вся архитектура коллективной безопасности с середины 1920-х гг. Тот факт, что западные демократии не смогли вовремя распознать эту реальность, обусловил трагическое начало Второй мировой войны.

Был ли шанс?

Обзор историографии по проблеме коллективной безопасности в Европе в межвоенные годы высвечивает ключевую задачу, которая стоит перед историком: корректно интерпретировать этот феномен международных отношений. Речь должна идти не просто о «создании коллективной структуры для сдерживания агрессивных замыслов Германии» (Сетов 2020: 174), хотя именно эта цель вышла на первый план после 1933 г., а об особом видении природы мировой политики, выросшем из последствий и уроков войны 1914–1918 гг. и нашедшем выражение в «новой дипломатии».

Большое значение сохраняет вопрос о том, могла ли в принципе система международных институтов, опиравшаяся на коллективную безопасность, остановить германскую агрессию в Европе? Обзор современной литературы заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Как верно отмечает Ж.-А. Суту, коллективная безопасность несла в себе ряд структурных изъянов, главный из которых – сохранение в качестве ядра модели «концерта» держав, что зафиксировали Локарнские соглашения. Подобная конструкция, по мнению французского историка, при определённых обстоятельствах легко трансформировалась в механизм «умиротворения», первым признаком чего стало подписание «Пакта четырёх», а логическим завершением – Мюнхенские соглашения (Soutou 2011: 187–188). Такое объяснение, однако, не учитывает того обстоятельства, что схожая «гибридная» модель достаточно успешно функционировала после 1945 г. в виде ООН, главным рабочим органом которой является Совет Безопасности – фактический клуб великих держав. Трудно представить себе формат международного сотрудничества в межвоенный период, в рамках которого голосу Великобритании, Франции или Германии равнялся бы голос молодого восточноевропейского государства, хотя некоторые из них к тому стремились.

Проблема, вероятно, заключается в другом. «Новая дипломатия» предлагала такой взгляд на природу международных отношений, который максимально нивелировал значение в них конфликтного фактора. Специфика исторического момента, наступившего после 1918 г., рассматривалась как универсальное правило на годы вперёд. Максима «хочешь мира – готовься к войне», в течение столетий задававшая стратегию держав, утратила своё значение и подменилась тем, что Э. Люттвак назвал «прямолинейной логикой консенсуальной политики». В итоге произошло размывание навыков стратегического мышления элит: «осознанное понимание феноменов стратегии является большой редкостью у политических лидеров, чей талант заключается именно в том, чтобы понимать общественное мнение и руководить им, а оно само привязано к обычной логике здравого смысла» (Люттвак 2012: 75). После ужасов Первой мировой здравый смысл требовал искоренения войны как таковой.

Подобное целеполагание обезоружило западные элиты перед лицом тех акторов, чей опыт конфликтного становления формировал принципиально иной взгляд на мир. По словам цитированного выше Люттвака, «в случаях, когда государства готовятся к войне или стараются её избежать, когда они используют свои военные ресурсы для того, чтобы вынудить другие страны пойти на уступки, прибегая при этом к запугиванию, не применяя силу на деле, – итоги всех этих усилий определяются всё той же логикой стратегии, что и на войне» (Люттвак 2012: 116). Гитлер – со своей безусловной ориентацией на конфликт и приверженностью культу силы – взорвал правила игры, сложившиеся в европейских делах после 1925 г., и стал той угрозой, которой мышление в духе «новой дипломатии» сначала не распознало, а распознав, так и не нашло инструментов противодействия.

Чтобы ответить на ревизионистский вызов, система коллективной безопасности должна была перестроиться. Вслед за П. Джексоном (Jackson 2015: 241–242) выделим три возможных направления её реформирования в условиях 1930-х гг.

Во-первых, требовалось пересмотреть взгляд на долгосрочные цели противостоящей стороны и принять саму возможность того, что Гитлер принципиально иначе осмысляет реалии мировой политики и ставит перед собой задачи агрессивной экспансии. Французская дипломатия постепенно пришла к этому пониманию после 1936 г., а британская пребывала в заблуждении до весны 1939 г. Очевидное расхождение целей ведущих европейских держав не предполагало сохранения курса на поддержание мира совместными усилиями хранителей статус-кво и потенциальных ревизионистов.

Во-вторых, на первый план выходила необходимость переоценить риск войны и принять перспективу её высокой вероятности в ближайшем будущем. Политика, отправной точкой которой был тезис о недопустимости войны, когда само слово «война» было табуировано во внешнеполитических ведомствах (Дюллен 2009: 102), позволяла Гитлеру постоянно поднимать ставки и вырывать у оппонентов уступку за уступкой. Преимущественно невоенный характер мер предотвращения агрессии, заложенных в основу системы коллективной безопасности, не позволял адекватно ответить на действия Берлина, когда их ещё можно было купировать без масштабных разрушительных последствий. Подобный поворот предполагал бы изменение формата взаимодействия с общественным мнением в странах Запада. Доминировавшая ранее точка зрения о том, что пацифистская ориентация британской и французской общественности блокировала возможности правительств этих стран осуществлять жёсткий курс на международной арене (Cockett 1989: 186), скорректирована: в современной историографии считается, что зачастую власти сами способствовали формированию подобных настроений, легитимируя тем самым свою внешнюю политику (Hucker 2020: 71–73).

Наконец, в-третьих, механизм коллективной безопасности, очевидно, не работал без эффективной силовой составляющей. Представление, будто на потенциального агрессора сдерживающее влияние окажет угроза международной изоляции, не оправдалось, когда ревизионистом выступила держава масштабов Германии, ведомая жёсткой экспансионистской идеологией. Единственным действенным инструментом противодействия Гитлеру могла стать военно-политическая коалиция, основу которой составлял бы советско-французский союз. Подобный сценарий создавал внутри системы коллективной безопасности ядро, аналог «концерта держав», и пусть это противоречило базовым принципам «новой дипломатии», но существовавшая модель международных отношений эволюционировала именно в таком направлении, о чём свидетельствуют попытки создать в 1930-е гг. европейскую «директорию».

Едва ли возникновение новых инструментов коллективного сдерживания нарушителей статус-кво изменило бы намерения Гитлера. Версальская система международных отношений в 1930-е гг. разрушалась внутренними противоречиями, которые не могли разрешиться без большого вооружённого конфликта. Однако его масштаб и степень разрушительности отнюдь не были предопределены. Всё зависело от характера действий правящих кругов Великобритании и Франции.

* * *

Зарождение системы коллективной безопасности в Европе стало результатом глубокой трансформации представлений элит и общественности европейских стран о природе международных отношений. Принцип коллективной безопасности, ключевой компонент «новой дипломатии», предполагал предотвращение вооружённых конфликтов посредством создания единого арбитражного и гарантийного пространства под эгидой наднациональной организации. Политика баланса сил между великими державами должна была отойти в прошлое, но на деле продолжала реализовываться, что, с одной стороны, подрывало авторитет нового миропорядка, а, с другой, – делегитимировало попытки стран-победительниц сохранить статус-кво с помощью традиционных механизмов сдерживания, «умиротворения», выделения сфер влияния.

Модель коллективной безопасности не удалось адаптировать к радикальному изменению внешних условий, ставшему результатом социально-экономических и политических пертурбаций начала 1930-х гг. Тенденции к её фрагментации интенсифицировались в результате агрессивной внешней политики держав-реваншистов – Германии, Италии и Японии. Представления о мире, возникшие в лоне нацистской и фашистской идеологий, являли собой полную противоположность принципам «новой дипломатии». Попытки выстроить отношения с Гитлером в рамках логики коллективной безопасности обернулись серией уступок реваншистским планам Берлина. В то же время замысел подключения СССР к системе коллективной безопасности, начавший воплощаться в жизнь после 1932 г., столкнулся с нежеланием западных демократий признавать за Москвой равноправный статус, а также учитывать советские стратегические интересы. Та модель коллективной безопасности, которая сформировалась после 1925 г., фактически разрушилась в 1936 г. вследствие агрессивных действий Муссолини в Эфиопии и Гитлера в Рейнской демилитаризованной зоне.

В период 1936-1939 гг. шёл поиск альтернатив системе коллективной безопасности. Инициированная Великобританией политика «умиротворения агрессора», по сути, была попыткой вернуться к модели «концерта держав». Однако унаследованный от системы коллективной безопасности императив недопустимости вооружённого конфликта серьёзно подрывал эффективность этой политики. Замысел «умиротворения», как и логика коллективной безопасности, слабо учитывали характер нацистской внешней политики, ставившей во главу угла

императив вооружённой экспансии, а не ограниченную корректировку статус-кво. Как следствие, политика «умиротворения» лишь усугубила тот кризис Версальского порядка, который возник как результат несоответствия нормативных основ системы коллективной безопасности реалиям международной политики в предвоенное десятилетие.

Наиболее эффективной альтернативой системе коллективной безопасности могло бы стать силовое сдерживание германского реваншизма посредством широкой международной коалиции с участием СССР и Франции. Соответствующие предложения Москвы были отвергнуты Парижем в конце 1936 – начале 1937 гг. и фактически дезавуированы в ходе трёхсторонних англо-франко-советских военно-политических переговоров весной-летом 1939 г. В канун неизбежной войны западные столицы продолжали оперировать языком «новой дипломатии», который окончательно утратил актуальное звучание. Их неготовность к пересмотру модели коллективной безопасности с точки зрения укрепления её силовой составляющей, что неоднократно предлагала Москва, стратегическая недалёковидность лидеров Великобритании и Франции обусловили катастрофическое начало Второй мировой войны.

Об авторе:

Александр Александрович Вершинин – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: averchinine@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии в рамках научного проекта № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX – начале XXI в.».

UDC: 94, 327

Received: January 15, 2022

Accepted: March 03, 2022

Contradictions of Collective Security Model: Modern Historiography on the Evolution of the Versailles System of International Relations in the 1930s

A.A. Vershinin

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article attempts to find out the reasons for the failure of the collective security system in Europe, developed to counter German revisionism in the second half of the 1920s – early 1930s. Research literature tends to consider collective security not just as a diplomatic tool, but as a quality of international system developed after the First World War based on the idea of indivisible security with universal international organization presiding over it to deal with problems of war and peace. The principle of the balance of power and war itself as a means of international politics thus lost their legitimacy.

Historians agree that the system proved unsuitable for the challenges of the early 1930s, demonstrated by the Ethiopian War and the Rhineland Crisis. Two alternative ways eventually developed to deal with the inconsistencies of the early collective security system: «appeasement» project, initiated by British diplomacy; and the Soviet idea of military-political deterrence through coalition building. Modern historiography views «appeasement» as the idea presupposing the creation of a European Directory, which would have taken on the functions of resolving international contradictions. Historians see the reasons for its failure in an incorrect assessment of Hitler's policy due to thinking in the spirit of collective security. The position of the USSR is more contested among historians. In recent works, however, there appears the consensus that the reason for the failure of the project of a military-political alliance aimed at containing Germany was the unwillingness of the West to strategic interaction with Moscow and its adherence to the principles of «new diplomacy» at a time when it already lost their relevance.

Keywords: collective security, new diplomacy, League of Nations, Versailles system of international relations, Soviet-French mutual assistance pact of 1935, M.M. Litvinov, N. Chamberlain, L. Barthou, appeasement policy, Anglo-French-Soviet negotiations in 1939

About the author:

Aleksandr A. Vershinin – PhD (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27-4.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The research was carried out with the financial support of RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007 "From regional conflicts to the era of global transformations: the view of Russian and Bulgarian historians on international relations in the late 19th – early 21st century".

References:

- Adamthwaite A. 2011. Historians at War. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 507-522.
- Alexander M.S. 1992. *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935-1940*. Cambridge: Cambridge University Press. 573 p.
- Azzi S.C. 1993. The Historiography of Fascist Foreign Policy. *Historical Journal*. 36(1). P. 187-203. DOI: 10.1017/S0018246X00016174
- Baer G.W. 1976. *Test Case. Italy, Ethiopia, and the League of Nations*. Stanford: Hoover institution press. 367 p.
- Bariéty J. 2000. L'Union soviétique dans la pensée européenne d'Aristide Briand. *L'URSS et l'Europe des années 20*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 184 p. P. 103-118. (In French)
- Bayly C.A. 2004. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Maiden, MA: Blackwell Publishing. 540 p.
- Bédarida F. 1977. Gouvernante anglaise. *Edouard Daladier, chef de gouvernement. Avril 1938 – septembre 1939*. Sous la dir. de R. Rémond, J. Bourdin. Paris: Presses de Sciences Po. 322 p. P. 228-240. (In French)
- Bennett E. 1979. *German Rearmament and the West, 1932-1933*. Princeton: Princeton University Press. 569 p.
- Bosworth R.J.B. 2011. Italian Foreign Policy and the Road to War 1918–39: Ambitions and Delusions of the Least of the Great Powers. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 66-79.
- Boyce R. 2009. *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 611 p.
- Carley M.J. 2001. Behind Stalin's Moustache: Pragmatism in Early Soviet Foreign Policy, 1917–41. *Diplomacy & Statecraft*. 12(3). P. 159-174. DOI: 10.1080/09592290108406218
- Carley M.J. 1999. 1939: *The Alliance that Never Was and the Coming of World War II*. Chicago: Ivan R. Dee. 321 p.
- Carley M.J. 2012. "Only the USSR Has... Clean Hands": The Soviet Perspective on the Failure of Collective Security and the Collapse of Czechoslovakia, 1934–1938 (Part 2). *Diplomacy & Statecraft*. 21(3). P. 368-396. DOI: 10.1080/09592296.2010.508402
- Charmley J. 1990. *Chamberlain and the Lost Peace*. Chicago: I.R. Dee. 257 p.
- Churchill W.S. 1986. *The Second World War*. Boston: Mariner Books. Vol. 1. 724 p.
- Cockett R. 1989. *Twilight of Truth: Chamberlain, Appeasement and the Manipulation of the Press*. New York: St. Martin's Press. 229 p.
- D'Agostino A. 2012. *The Rise of Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars*. Cambridge: Cambridge University Press. 559 p.
- Dessberg F. 2013. L'Union soviétique ou l'impossible alliée (1921-1941). *Les Européens et la guerre*. Sous la dir. d'I. Davion, F. Dessberg, C. Malis. Paris: Publications de la Sorbonne. 403 p. (In French)

- Doise J., Vaisse M. 2015. *Diplomatie et outil militaire. 1871-2015*. Paris: Seuil. 784 p. (In French)
- Duroselle J.-B. 1962. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 3(4). P. 525-545. (In French)
- Duroselle J.-B. 1979. *La Décadence, 1932-1939*. Paris: Imprimerie nationale. 586 p. (In French)
- Egerton G.W. 1983. Collective Security as Political Myth: Liberal Internationalism and the League of Nations in Politics and History. *The International History Review*. 5(4). P. 496-524.
- Ferguson N. 1999. *The Pity of War*. New York: Basic Books. 563 p.
- Gooch J. 2003. Fascist Italy. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 35-47.
- Hall C. 1987. *Britain, America and Arms Control, 1921-1937*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 295 p.
- Harris J. 2007. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918-1941. *Journal of Strategic Studies*. 30(3). P. 513-545. DOI: 10.1080/01402390701343490
- Haslam J. 1984. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933-39*. Basingstoke: Macmillan Press. 310 p.
- Haslam J. 1994. Litvinov, Stalin and the Road Not Taken. *Soviet Foreign Policy, 1917-1991: A Retrospective*. Ed. by G. Gorodetsky. London, Portland (Or.): Cass. 227 p.
- Haslam J. 2021. *The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 481 p.
- Henig R. 2011. The League of Nations: An Idea before its Time? *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 34-49.
- Henig R. 2019. *The Peace That Never Was: A History of the League of Nations*. London: Haus Publishing. 224 p.
- Histoire des relations internationales*. 1958. Sous la dir. de P. Renouvin. Paris: Hachette T. 8. 426 p. (In French)
- Hochman J. 1984. *The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934-1938*. Ithaca and London: Cornell University Press. 253 p.
- Hucker D. 2020. *Public Opinion and Twentieth-Century Diplomacy. A Global Perspective*. London: Bloomsbury Academic. 224 p.
- Ikenberry G.J. 2020. *A World Safe for Democracy. Liberal Internationalism and the Crises of Global Order*. New Haven, London: Yale University Press. 408 p.
- Imlay T. 2011. Politics, Strategy and Economics: A Comparative Analysis of British and French 'Appeasement'. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 262-275.
- Imlay T.C. 2003. *Facing the Second World War. Strategy, Politics, and Economics in Britain and France, 1938-1940*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.
- Jackson P. 2000. *France and the Nazi Menace. Intelligence and Policy Making, 1933-1939*. Oxford: Oxford University Press. 446 p.
- Jackson P. 2013. *Beyond the Balance of Power. France and the Politics of National Security in the Era of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press. 577 p.
- Jackson P. 2015. Europe: the Failure of Diplomacy, 1933-1940. *The Cambridge History of the Second World War*. Vol. 2. Politics and Ideology. Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press. 702 p.

- Ken O.N. 1996. *Collective Security or Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930-1935*. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom. 327 p.
- Kennedy P. 1976. The Tradition of Appeasement in British Foreign Policy, 1865-1939. *British Journal of International Studies*. 2(3). P. 195-215. DOI: 10.1017/S0260210500116699
- Kennedy P., Imlay T. 1999. Appeasement. *The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. London, New York: Routledge. 278 p. P. 116-134.
- Kershaw I. 2008. *Hitler. A Biography*. New York: WW. Norton and Company. 1029 p.
- Lamb M., Tarling N. 2001. *From Versailles to Pearl Harbor The Origins of the Second World War in Europe and Asia*. Basingstoke: Palgrave Publishers. 238 p.
- Lüdicke L. 2011. Hitler, German Foreign Policy and the Road to War: A German Perspective. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 101-109.
- Lukes I. 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930's*. New York, Oxford: Oxford University Press. 318 p.
- Macmillan M. 2002. *Paris 1919: Six Months that Changed the World*. New York: Random House. 570 p.
- Maiolo J. 2010. *Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931-1941*. New York: Basic Book. 473 p.
- Mallett R. 2003. *Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933-1940*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 266 p.
- Miller L.H. 1999. The Idea and the Reality of Collective Security. *Global Governance*. 5(3). P. 303-332. DOI: 10.1163/19426720-00503003
- Murray W. 2003. Britain. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 111-129.
- Neilson K. 2005. *Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939*. Cambridge: Cambridge University Press. 379 p.
- Nish I. 1993. *Japan's Struggle with Internationalism Japan, China and the League of Nations, 1931-1933*. London: Kegan Paul International. 286 p. P
- Nish I. 2009. *Japan's Struggle with Internationalism. Japan, China and the League of Nations, 1931-1933*. London, New York: Routledge. 286 p.
- O'Cohrs P. 2008. *The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919-1932*. Cambridge: Cambridge University Press. 693 p.
- Overy R.J. 1994. *The Inter-War Crisis, 1919-1939*. London, New York: Longman. 145 p.
- Parker R.A.C. 1993. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. London: Macmillan. 338 p.
- Pedersen S. 2007. Back to the League of Nations. *The American Historical Review*. 112(4). P. 1091-1117. DOI: 10.1086/ahr.112.4.1091
- Pons S. 2002. *Stalin and the inevitable war, 1936-1941*. London, Portland (OR): Cass. 240 p.
- Ragsdale H. 2004. *The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. Cambridge: Cambridge University Press. 212 p.
- Réau E. du. 1993. *Édouard Daladier, 1884-1970*. Paris: Fayard. 588 p. (In French)
- Resis A. 2000. The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-aggression Pact. *Europe-Asia Studies*. 52(1). P. 33-56. DOI: 10.1080/09668130098253.
- Reynolds D. 2014. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*. New York, London: W.W. Norton & Company. 544 p.

Reynolds. 2007. *Summits: Six Meetings That Shaped the Twentieth Century*. New York: Basic Books. 544 p.

Roberts G. 1995. *The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933-1941*. Basingstoke: Macmillan. 208 p.

Scott W.E. 1962. *Alliance against Hitler: The Origins of the Franco-Soviet Pact*. Durham NC: Duke University Press. 296 p.

Self R. 2006. *Neville Chamberlain. A Biography*. Burlington: Ashgate. 573 p.

Sharp A. 2011. The Versailles Settlement: The Start of the Road to the Second World War? *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 16-31.

Soutou G.-H. 2005. Les relations franco-soviétiques de 1932 à 1935. *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 192 p. P. 31-60. (In French)

Soutou G.-H. 2011. Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons. *Transversalités*. №119. P. 177-188. DOI: 10.3917/trans.119.0177 (In French)

Soutou G.-H. 2015. *La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914-1920*. Paris: Talandier. 379 p. (In French)

Soutou G.-H. 2000. La France, l'URSS et l'ère de Locarno, 1924-1929. *L'URSS et l'Europe des années 20*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 184 p. P. 67-90. (In French)

Stedman A.D. 2011. *Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany*. London, New York: Bloomsbury Publishing. 308 p.

Steiner Z. 2005. *The Lights that Failed. European International History, 1919-1933*. Oxford, Oxford University Press. 938 p.

Steiner Z. 2011. *The Triumph of the Dark. European International History, 1933-1939*. Oxford: Oxford University Press. 1248 p.

Stevenson D. 1998. France at the Paris Peace Conference: Addressing the Dilemmas of Security. *French Foreign and Defence Policy, 1918-1940. The Decline and Fall of a Great Power*. Ed. by R. Boyce. London, New York: Routledge. 297 p. P. 10-29.

Stevenson D. 2004. *1914-1918: The History of the First World War*. London: Allen Lane. 728 p.

The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians. 1999. Ed. by G. Martel. London, New York: Routledge. 278 p.

Thorne C.G. 1973. *The Limits of Foreign Policy; the West, the League, and the Far Eastern Crisis of 1931-1933*. New York: G.P. Putnam's Sons. 442 p.

Trachtenberg M. 1982. Versailles after Sixty Years. *Journal of Contemporary History*. 17(3). P. 487-506. DOI: 10.1177/002200948201700305

Uldricks T.J. 1994. Soviet Security Policy in the 1930-s. *Soviet Foreign Policy, 1917-1991: A Retrospective*. Ed. by G. Gorodetsky. London, Portland (Or.): Cass. 227 p.

Vaïsse M. 1981. *Sécurité d'abord: la politique française en matière de désarmement. 9 décembre 1930-17 avril 1934*. Paris: Pedone. 653 p. (In French)

Vidal G. 2015. *Une alliance improbable: l'armée française et la Russie soviétique 1917-1939*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 307 p. (In French)

Watt D.C. 1989. *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War, 1938-1939*. New York: Pantheon Books. 736 p.

Watt D.C. 2003. Diplomacy and Diplomats. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 130-141.

Weinberg G.L. 1970. *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–36*. Chicago: University of Chicago Press. 397 p.

Wright J. 2007. *Germany and the Origins of the Second World War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 223 p.

Young R. 1996. *France and the Origins of the Second World War*. New York: St. Martin's Press. 191 p.

Young R.J. 1991. *Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 330 p.

Ayrapetov O.R. 2020. *Vneshnyaya politika Sovetskoy Rossii i SSSR v 1920-1939 godakh i istoki Vtoroy Mirovoy voyny* [Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920-1939 and the Origins of the Second World War]. Moscow: Rodina. 799 p. (In Russian).

Belousov L.S. 1993. *Mussolini: diktatura i demagogiya* [Mussolini: Dictatorship and Demagogy]. Moscow: Mashinostroyeniye. 368 p. (In Russian).

Belousova Z.S. 1976. *Frantsiya i yevropeyskaya bezopasnost', 1929-1939* [France and European Security, 1929-1939]. Moscow: Nauka. 418 p. (In Russian).

Carley M.J. 2021. «Komediya, obrnutaya ironiyey vnutri tragedii»: franko-sovetskiye popytki konsul'tatsiy mezhdru genshtabami (1936–1937) [«Comedy Wrapped in Irony inside Tragedy»: Franco-Soviet Attempts at Consultations between the General Staffs (1936–1937)]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. №1. P. 45-91. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91 (In Russian).

Dashichev V.I. 2005. *Strategiya Gitlera – put' k katastrofe, 1933-1945: istoricheskiye ocherki, dokumenty i materialy* [Hitler's Strategy – the Road to Disaster, 1933-1945: Historical Essays, Documents and Materials]. T.1. Moscow: Nauka. 525 p. (In Russian).

Dullin S. 2009. *Stalin i yego diplomaty: Sovetskiy Soyuz i Yevropa, 1930-1939 gg.* [Men of Influence: Stalin's Diplomats in Europe, 1930-1939]. Moscow: ROSSPEN. 319 p. (In Russian).

Evropa mezhdru mirom i voynoy, 1918-1939 [Europe between War and Peace, 1918-1939]. 1992. Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Nauka. 219 p. (In Russian).

Fest I. 2006. *Gitler. Biografiya. Triumf i padeniye v bezdnu* [Hitler. Biography. Triumph and Fall into the Abyss] Moscow: Veche. 640 p. (In Russian).

Fleischhauer I. 1990. *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii. 1938-1939* [Pact. Hitler, Stalin and the Initiative of German Diplomacy. 1938-1939]. Moscow: Progress. 480 p. (In Russian).

Gorodetsky G. 2001. *Rokovoy samoobman: Stalin i napadeniye Germanii na Sovetskiy Soyuz* [Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia]. Moscow: ROSSPEN. 384 p. (In Russian).

Ivanov A.G. 1993. *Agressory i umirotvoriteli: Gitler, Mussolini i britanskaya diplomatiya* [Aggressors and Appeasers: Hitler, Mussolini and the British Diplomacy]. Moscow: Nauka. 207 p. (In Russian).

Kapitonova N.K. 2018. Nevill Chamberlen i politika «umirotvoreniya» [Neville Chamberlain and the Politics of Appeasement]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. №4. P. 176-204. DOI: 10.31857/S013038640000113-2 (In Russian).

Ken O.N. 2008. *Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilization Planning and Political Decisions (late 1920s – mid 1930s)]. Moscow: OGI. 512 p. (In Russian).

Ken O.N., Rupasov A.I. 2000. *Politbyuro TSK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920-1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentariya* [Rupasov A.I. The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks

and the Relations of the USSR with Western Neighbor States (late 1920-1930s): Problems. Documentation. Commentary essay]. Part 1. Saint-Petersburg: Yevropeyskiy dom. 704 p. (In Russian).

Khormach I.A. 2011. *Vozvrashcheniye v mirovoye soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoy natsiy v 1919-1934 gg.* [Return to the World Community: The Struggle and Cooperation of the Soviet State with the League of Nations in 1919-1934]. Moscow: Kuchkovo pole. 608 p. (In Russian).

Khormach I.A. 2017. *SSSR v Lige natsiy, 1934-1939 gg.* [USSR in the League of Nations, 1934-1939]. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 430 p. (In Russian).

Kissinger H. 1997. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: Lodomir. 848 p. (In Russian).

Lieven D. 2017. *Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii* [Towards the Flame. Empire, War and the End of Tsarist Russia]. Moscow: ROSSPEN. 430 p. (In Russian).

Luttwak E.N. 2012. *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 391 p. (In Russian).

Magadeyev I.E. 2021. *V teni Pervoy mirovoy voyny. Dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody* [In the Shadow of the First World War. European Security Dilemmas in the 1920s]. Moscow: Aspekt Press. 864 p. (In Russian).

Malafeyev K.A. 1988. *Lui Bartu – politik i diplomat* [Louis Barthou – Politician and Diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 176 p. (In Russian).

Maslova V.A. 2009. Fenomen Alana Teylora v britanskoy istoriografii istokov Vtoroy mirovoy voyny [The Alan Taylor Phenomenon in British Historiography of the Origins of World War II]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. №1. P. 81-86. (In Russian).

Mel'tyukhov M.I. 2000. *Upushchennyy shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Yevropu: 1939-1941* [Stalin's Missed Chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941]. Moscow: Veche. 605 p. (In Russian).

Narinskiy M.M. 2003. Otnosheniya mezhdru SSSR i Frantsiyey. 1933-1937 gody [Relations between the USSR and France 1933-1937]. *SSSR, Frantsiya i evolyutsiya Yevropy v 30-ye gody: Sbornik nauchnykh statey* [France and the evolution of Europe in the 30s: Collection of scientific articles.]. Ed. by M.M. Narinskiy. Moscow: MGIMO. 228 p. (In Russian).

Narinskiy M.M. 2009. Mezhdunarodno-politicheskiy krizis kanuna Vtoroy mirovoy voyny [International Political Crisis on the Eve of World War II]. *MGIMO Review of International Relations*. №4. P. 23-47. (In Russian).

Naumov A.O. 2007. *Diplomaticheskaya bor'ba v Yevrope nakanune Vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic Struggle in Europe on the Eve of World War II]. Moscow: ROSSPEN. 416 p. (In Russian).

Obichkina Ye.O. 2009. Frantsuzskaya diplomatiya 1938-1939 gg.: ot «umirotvoreniya» k «sderzhivaniyu», ili politika garantiy [French Diplomacy 1938-1939: From "Appeasement" to "Deterrence" or the Policy of Guarantees]. *MGIMO Review of International Relations*. №4. P. 97-114. (In Russian).

Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii v tryokh tomakh. 1802-2002 [Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in three volumes. 1802-2002]. T.3. 1917-2002. 2002. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: OLMA-PRESS. 617 p. (In Russian).

Romanova Ye.V. 2014. Sovremennaya zapadnaya istoriografiya o proiskhozhdenii Pervoy mirovoy voyny [Modern Western Historiography on the Origins of the First World War]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. №4. P. 127-143. (In Russian).

Setov R.A. 2020. *Tektonika voyny. 1939 god.* [Tectonics of War. 1939]. Moscow: MAKSS Press. 344 p. (In Russian).

Sipols V.Ya. 1989. *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic struggle on the eve of the Second World War]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 336 p. (In Russian).

Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh. Sobytiya i dokumenty. 1918-2000 [Systematic history of international relations in four volumes. Events and documents. 1918-2000]. Ed. by A.D. Bogaturov. T.1. Moscow: Moskovskiy rabochiy. 516 p. (In Russian).

Sluch S.Z. 2005. Stalin i Gitler, 1933-1941: raschety i proschety Kremlya [Stalin and Hitler, 1933-1941: The Kremlin's Calculations and Miscalculations]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. №1. P. 98-119. (In Russian).

Tooze A. 2019a. *Vsemirnyy potop. Velikaya voyna i pereustroystvo mirovogo poryadka, 1916-1931 gody* [The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916-1931. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 640 p. (In Russian).

Tooze A. 2019b. *Tsena razrusheniya. Sozdaniye i gibel' natsistskoy ekonomiki* [The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 864 p. (In Russian).

Vasil'yeva N.Y. 2017. *Liga Natsiy v fokuse sovremennoy otechestvennoy istoriografii* [League of Nations in the focus of modern Russian historiography]. 25 let vneshney politike Rossii. Sbornik materialov KH Konventa RAMI (Moskva, 8-9 dekabrya 2016 g.) [25 years of Russian foreign policy. Proceedings of the 10th RAIS Convention (Moscow, December 8-9, 2016)]. Ed. by A.V. Mal'gin. T.3. Moscow: MGIMO-Universitet. 206 p. P. 7-28. (In Russian).

Velikaya russkaya revolyutsiya: stoletie spustya [Great Russian Revolution: A Century down the Line]. 2018. Ed. by B.F. Martynov. Moscow: MGIMO-Universitet. 305 p. (In Russian).

Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh [World History in Six Volumes]. T. 6. Kn. 1. 2017. Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Nauka. 690 p. (In Russian).

Vtoraya mirovaya voyna i transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy. Ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru [Second World War and the Transformation of International Relations. From Multipolar to Bipolar World]. 2020. Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 885 p. (In Russian).

Winkler G.A. 2013. *Veymar 1918-1933: istoriya pervoy nemetskoj demokratii* [Weimar 1918-1933: A History of the First German Democracy]. Moscow: ROSSPEN. 878 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Айрапетов О.Р. 2020. *Внешняя политика Советской России и СССР в 1920-1939 годах и истоки Второй мировой войны*. Москва: Родина. 799 с.

Белоусов Л.С. 1993. *Муссолини: диктатура и демагогия*. Москва: Машиностроение. 368 с.

Белоусова З.С. 1976. *Франция и европейская безопасность, 1929-1939*. Москва: Наука. 418 с.

Васильева Н.Ю. 2017. Лига Наций в фокусе современной отечественной историографии. 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.). Под ред. А.В. Мальгина. Т. 3. Москва: МГИМО-Университет. 206 с. С. 7-28.

Великая русская революция: столетие спустя. 2018. Под ред. Б.Ф. Мартынова. Москва: МГИМО-Университет. 305 с.

Винклер Г.А. 2013. *Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии*. Москва: РОССПЭН. 878 с.

Всемирная история в шести томах. Т. 6. Kn. 1. 2017. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука. 690 с.

Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. 2020. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. Москва: Издательство Московского университета. 885 с.

Городецкий Г. 2001. *Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз.* Москва: РОССПЭН. 384 с.

Дашичев В.И. 2005. *Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: исторические очерки, документы и материалы.* Т. 1. Москва: Наука. 525 с.

Дюллен С. 2009. *Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930-1939 гг.* Москва: РОССПЭН. 319 с.

Европа между миром и войной, 1918-1939. 1992. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука. 219 с.

Иванов А.Г. 1993. *Агрессоры и умиротворители: Гитлер, Муссолини и британская дипломатия.* Москва: Наука. 207 с.

Капитонова Н.К. 2018. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения». *Новая и новейшая история.* № 4. С. 176-204. DOI: 10.31857/S013038640000113-2

Карлей М. Дж. 2021. «Комедия, обернутая иронией внутри трагедии»: франко-советские попытки консультаций между генштабами (1936–1937). *Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований.* №1. С. 45-91. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91

Кен О.Н. 2008. *Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.).* Москва: ОГИ. 512 с.

Кен О.Н., Рупасов А.И. 2000. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Санкт-Петербург: Европейский дом. 704 с.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия.* Москва: Ладомир. 848 с.

Ливен Д. 2017. *Навстречу огню. Империя, война и конец царской России.* Москва: РОССПЭН. 430 с.

Люттвак Э.Н. 2012. *Стратегия: логика войны и мира.* Москва: Университет Дмитрия Пожарского. 391 с.

Магадеев И.Э. 2021. *В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы.* Москва: Аспект Пресс. 864 с.

Малафеев К.А. 1988. *Луи Барту - политик и дипломат.* Москва: Международные отношения. 176 с.

Маслова В.А. 2009. Феномен Алана Тэйлора в британской историографии истоков Второй мировой войны. *Вестник Омского университета.* № 1. С. 81-86.

Мельтюхов М.И. 2000. *Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941.* Москва: Вече. 605 с.

Наринский М.М. 2003. Отношения между СССР и Францией. 1933-1937 годы. СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сборник научных статей. Под ред. М.М. Наринского. Москва: МГИМО. 228 с.

Наринский М.М. 2009. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны. *Вестник МГИМО-Университета.* №4. С. 23-47.

Наумов А.О. 2007. *Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны.* Москва: РОССПЭН. 416 с.

Обичкина Е.О. 2009. Французская дипломатия 1938-1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий. *Вестник МГИМО-Университета.* №4. С. 97-114.

Очерки истории Министерства иностранных дел России в трёх томах. 1802-2002. Т. 3. 1917-2002. 2002. Под ред. А.В. Торкунова. Москва: ОЛМА-ПРЕСС. 617 с.

Романова Е.В. 2014. Современная западная историография о происхождении Первой мировой войны. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 127-143.

Сетов Р.А. 2020. *Тектоника войны. 1939 год*. Москва: МАКС Пресс. 344 с.

Сиполс В.Я. 1989. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. Москва: Международные отношения. 336 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000. Под. ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. События. 1918-1945. Москва: Московский рабочий. 516 с.

Случ С.З. 2005. Сталин и Гитлер, 1933-1941: расчёты и просчёты Кремля. *Отечественная история*. № 1. С. 98-119.

Туз А. 2019а. *Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы*. Москва: Издательство Института Гайдара. 640 с.

Туз А. 2019б. *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. Москва: Издательство Института Гайдара. 864 с.

Фест И. 2006. *Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну*. Москва: Вече. 640 с.

Фляйшхауэр И. 1990. *Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939*. Москва: Прогресс. 480 с.

Хормач И.А. 2011. *Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919-1934 гг.* Москва: Кучково поле. 608 с.

Хормач И.А. 2017. *СССР в Лиге Наций, 1934-1939 гг.* Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 430 с.